

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Пётр БУРМИН

Глазами живописца и поэта...

КНИГА ГРАФИКИ

Составитель – Калашников Н.Н.

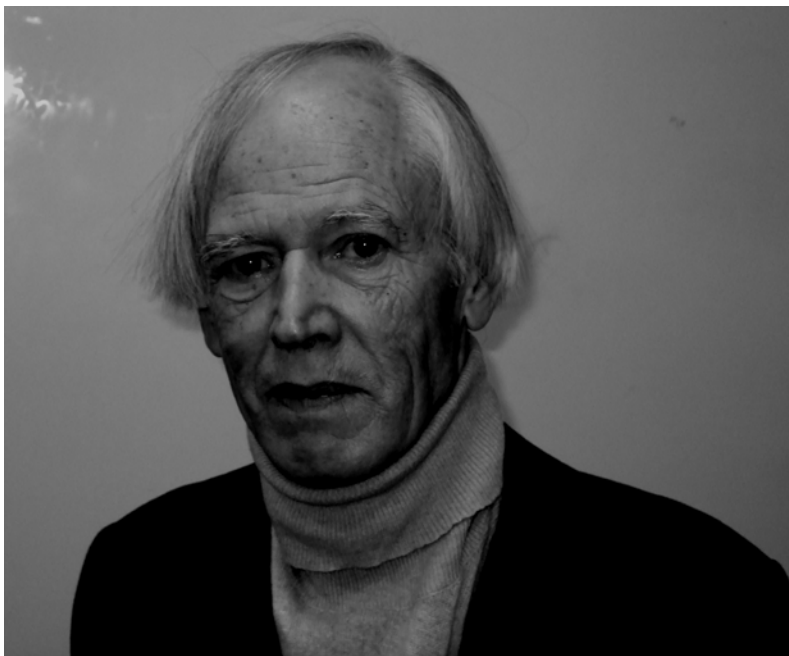
Новокузнецк
2013

УДК 76.03
ББК 85.154
К 65

Бурмин Пётр Сергеевич

Глазами живописца и поэта : книга графики / Пётр Бурмин ; составитель [и ответственный за выпуск] – Калашников Н. Н. ; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк, 2013. – 60 с., ил.

©На первой странице обложки –
рисунок П.Бурмина «Парусник»

БУРМИН Петр Сергеевич родился 12 июня 1933 г. в селе Солоновка Алтайского края. В 1935 г. приехал в Новокузнецк вместе с родителями, которые завербовались на строительство КМК. С 1950 г. начал работать на КМК. Служил в армии, в погранвойсках. На пенсию вышел из строительной фирмы, где работал художником-оформителем. В шестидесятых годах прошлого века у П.С.Бурмина было опубликовано до десятка стихотворений о детях и космосе. В семидесятые годы был на семинаре писателей по рекомендации Геннадия Емельянова – с повестью «SOS». Первая публикация фантастической прозы – глава из повести «Остров разума» – в газете «Сельские вести» 21 марта 2003 г. В КЛФ «Контакт» пришёл в 2001 г. За это время клубом издано 11 книг П.С.Бурмина. Неоднократно публиковался в коллективных сборниках «Контакта» («Люди в квадрате», «На руках луна свернулась», «Попроси у неба крылья», «Я слову жизнь свою передаю: Венок сонетов в Новокузнецке», «Найти слова» и других), в сборнике «Новокузнецкий Литературный Альманах» (Новокузнецк: «Мастер-круг», 2008). В этой книжке публикуется графика Петра Сергеевича Бурмина.

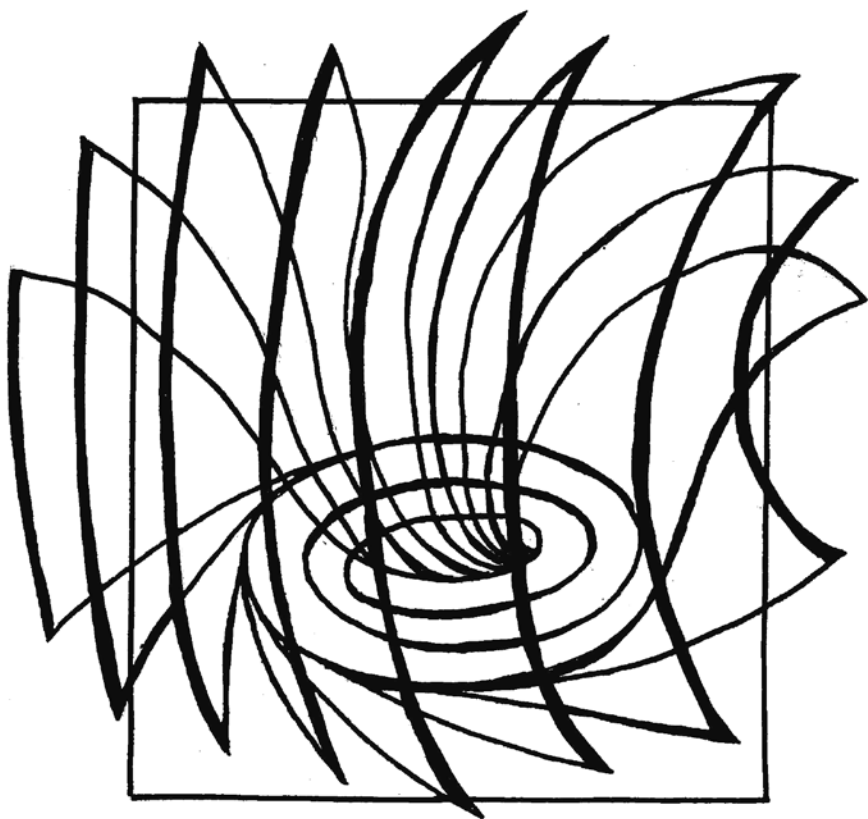
Муза

Автопортрет

Портрет художника в юности

Четвёртое измерение

Ноктюрн

Предвечный

Языческий бог

Пракрити – творческое начало природы

Иллюстрация к повести «Занебесье»

Мефистофель

Иллюстрация к поэме «Софья – крылатая русалка»

Домовой

Нефертити

Диоген

Икар

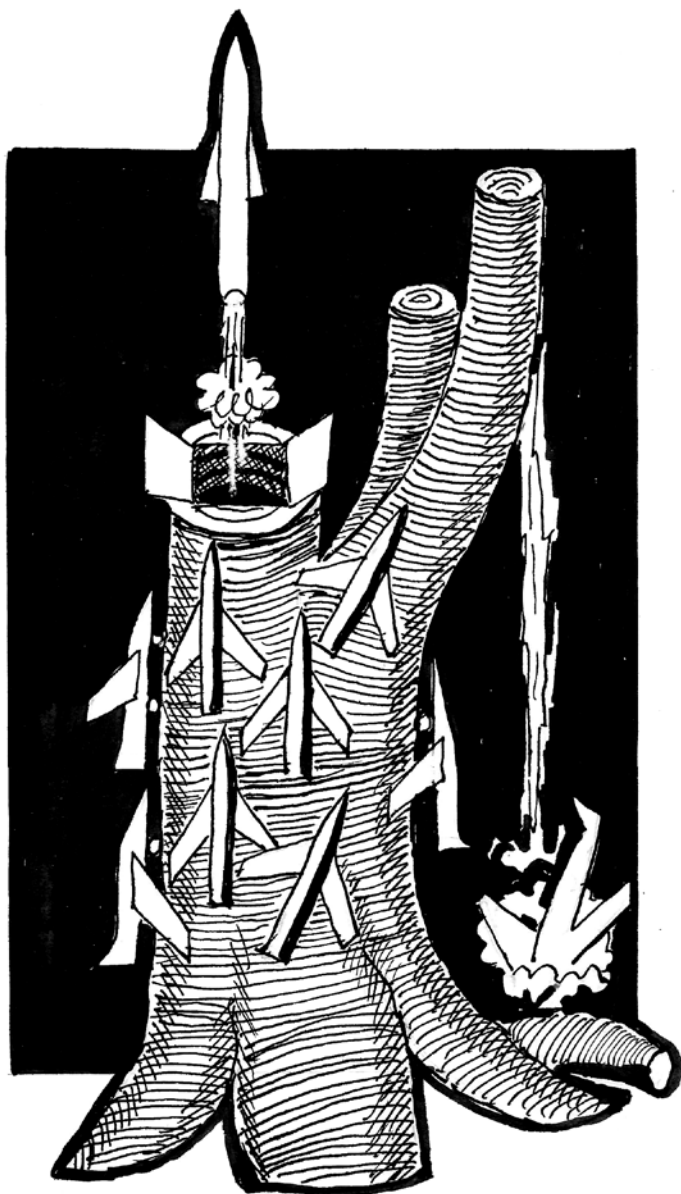
Эзоп

Россия вчерашняя

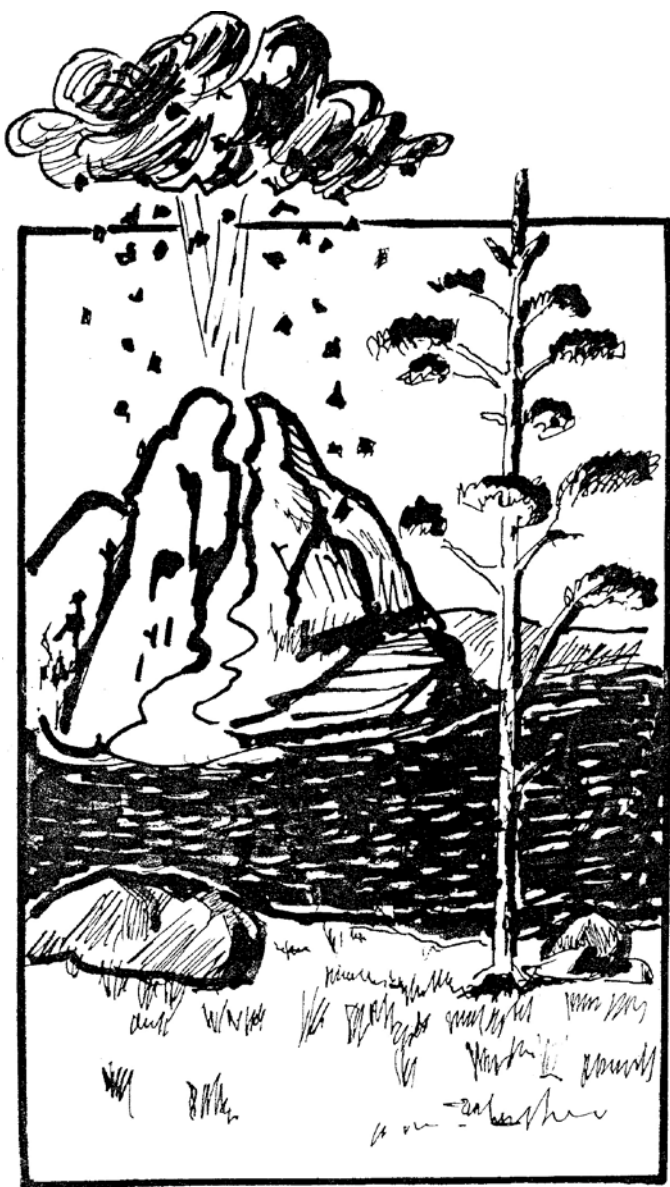
Мистерия

Англо-американское дерево

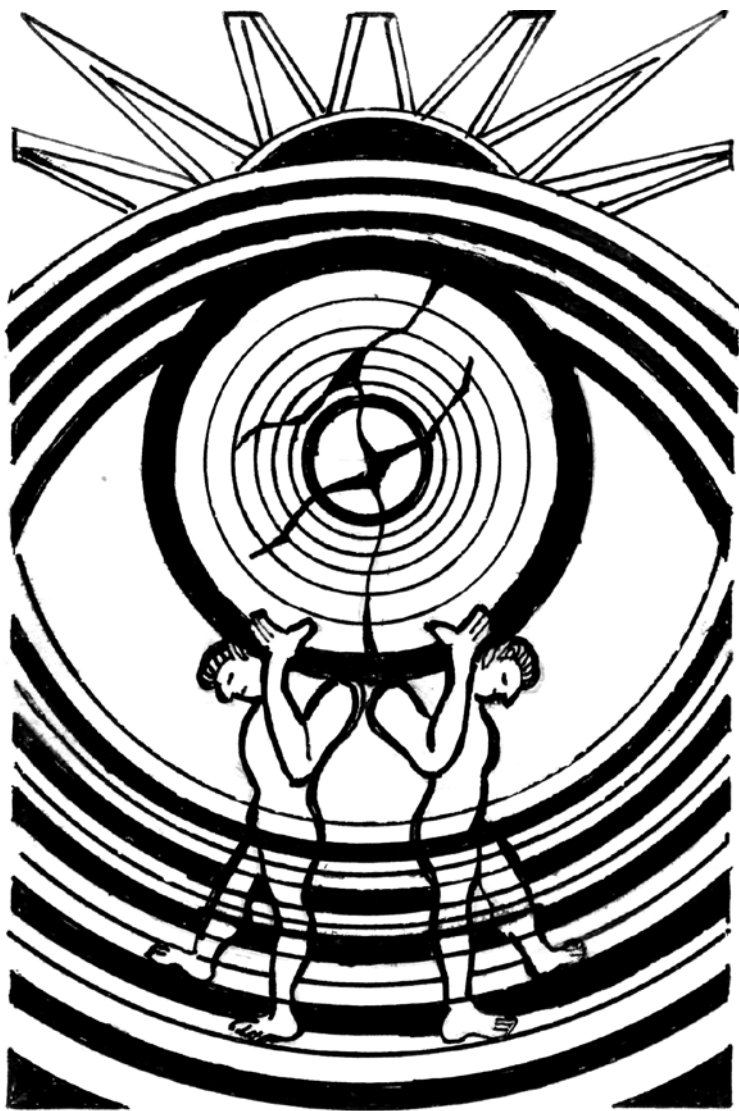
Пейзаж с летающей тарелкой

Пейзаж

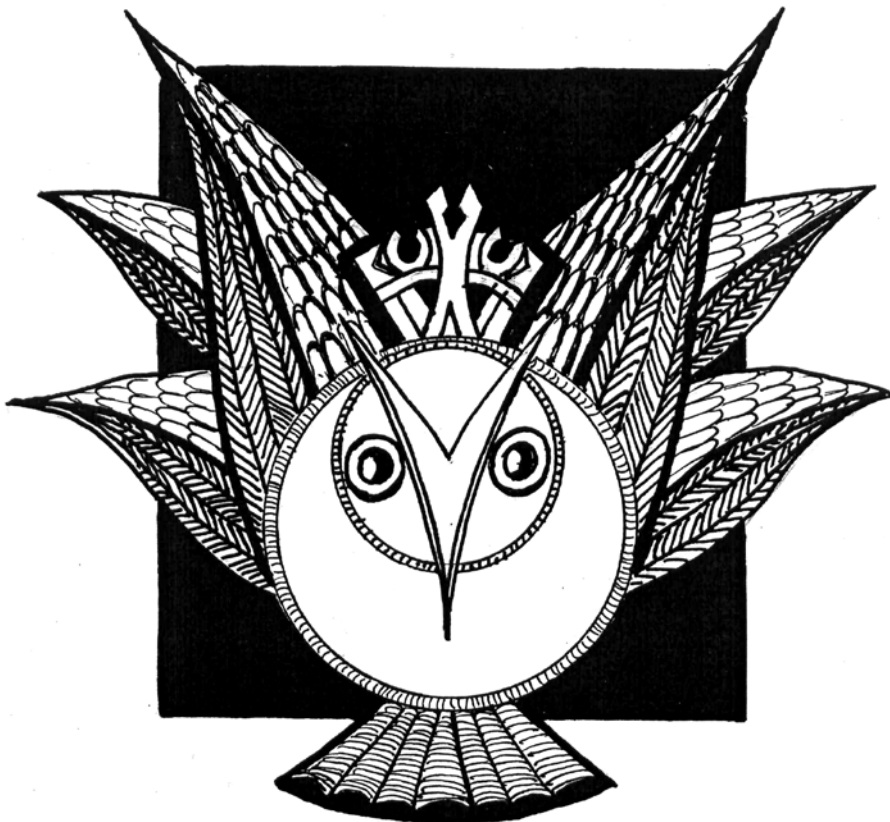
К сонету «Атлантида»

Атлантида

Пришельцы из Атлантиды

Плач пустынного

Иллюстрация к повести «**Предки и потомки марсиан**»

Иллюстрация к повести «Предки и потомки марсиан»

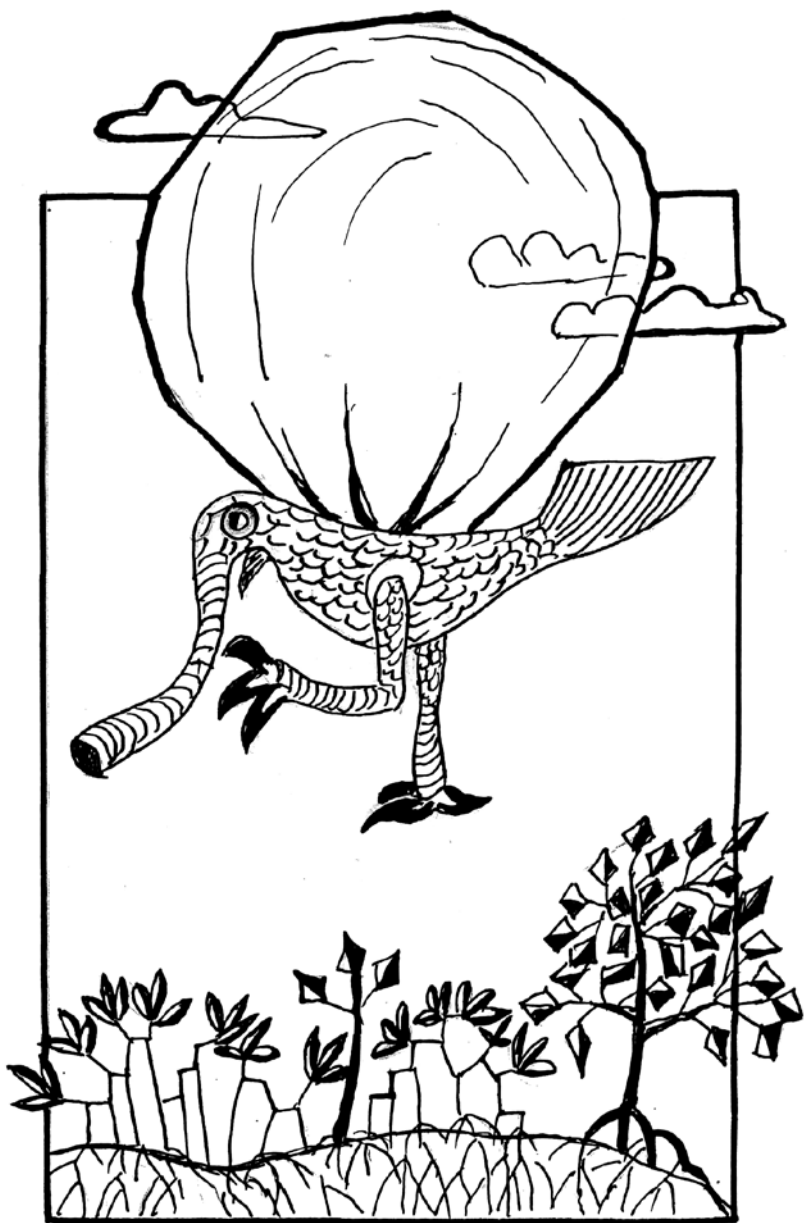

Иллюстрация к повести «Предки и потомки марсиан»

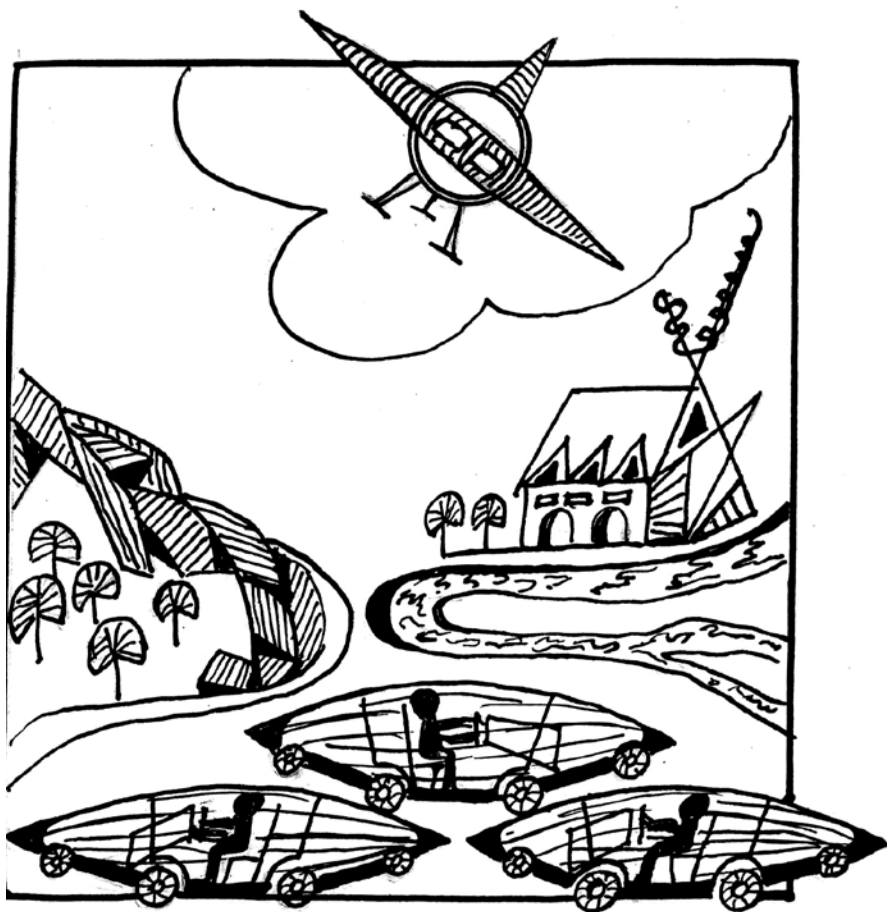

Иллюстрация к повести «Предки и потомки марсиан»

Великая Челоха

Иллюстрация к повести «Предки и потомки марсиан»

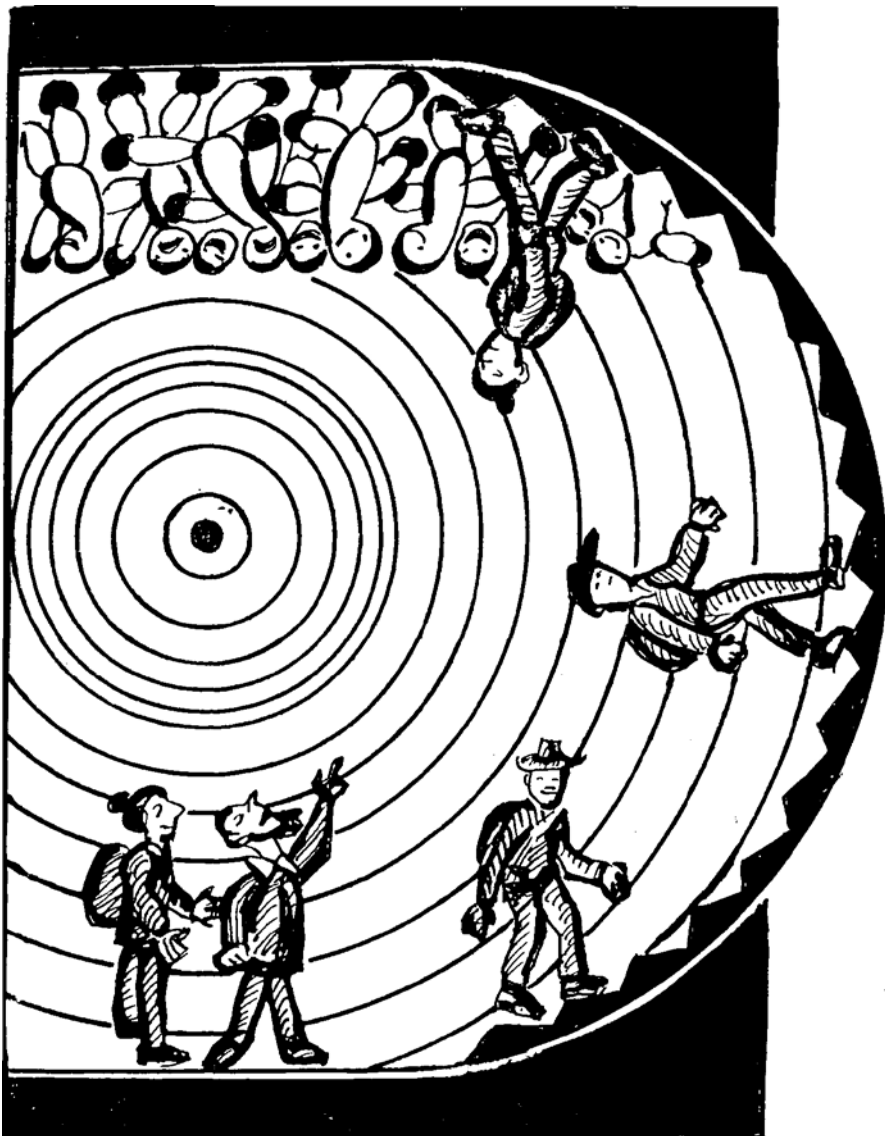
Изморозь на Солнце

Иллюстрация к повести «Предки и потомки марсиан»

В плену Скрытого мира

Иллюстрация к повести «Врата времени»

Мгновение, равное вечности

Иллюстрация к повести «Врата времени»

Пляж на астероиде

Иллюстрация к повести «Врата времени»

Эскиз обложки к повести «SOS»

Иллюстрация к повести «SOS»

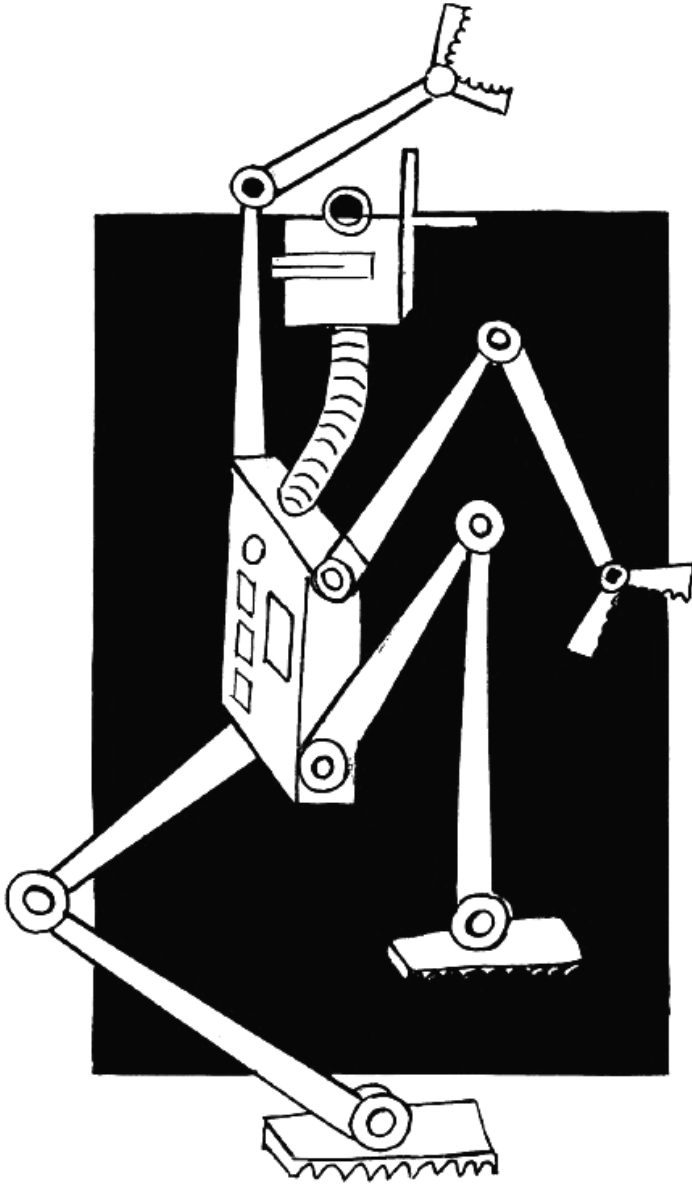
Иллюстрация к повести «SOS»

Иллюстрация к повести «SOS»

Иллюстрация к повести «SOS»

Субсерват (робот)

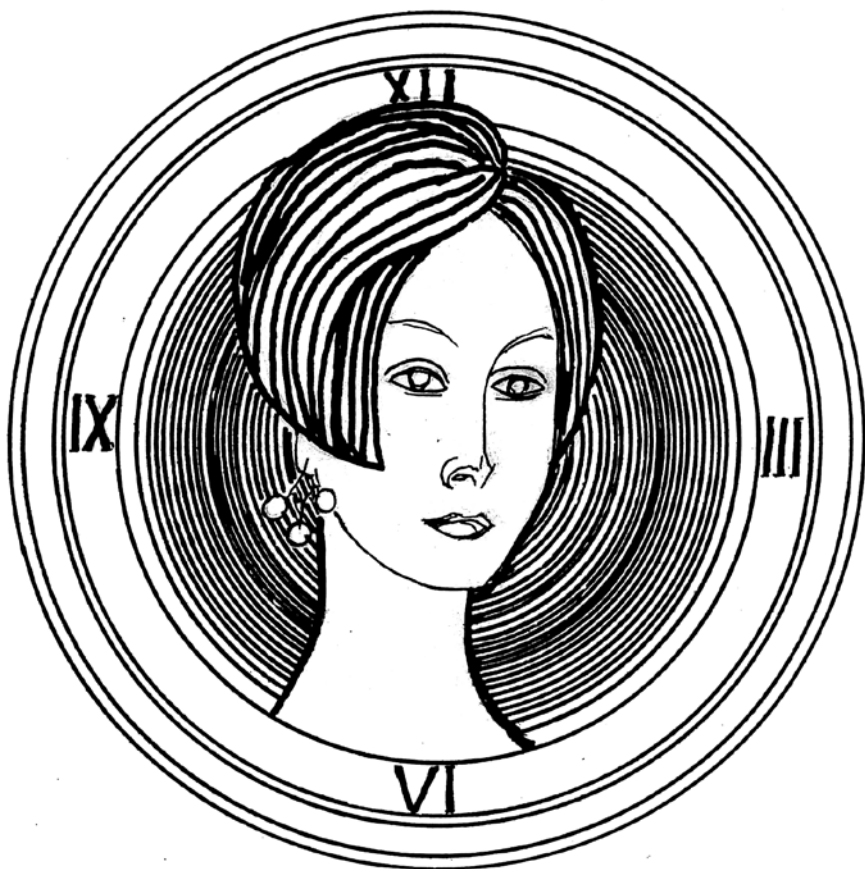
Заставка к рассказу «Гостья»

Иллюстрация к рассказу «Гостя»

Иллюстрация к рассказу «Гостя»

Нина Юрьевна
Иллюстрация к повести «Третий каменноугольный период»

Иллюстрация к повести
«Третий каменноугольный период»

Софья

Иллюстрация к поэме «Софья – крылатая русалка»

Девочка-птица

Иллюстрация к рассказу «Лунный полдень»

Иллюстрация к повести «Остров Разума»

Иллюстрация к циклу рассказов «Биолить»

Иллюстрация к циклу рассказов «Биолить»

Обелиск

Обложка книги сонетов

Петр Бурмин

Обложка книги сонетов

О себе

Родился я 12 июля 1933 года в селе Солоновка, находящемся в живописных предгорьях Алтая; там начинал учиться в школе, там же, будучи 10–12 лет отроду, написал первые стихи, подражая деревенскому фольклору.

Отец Сергей Васильевич и мать Елена (Акулина по паспорту) Макаровна были потомственными хлеборобами; но, несмотря на это, бросили землю – мотивы мне неизвестны – и, забрав меня, в 1935 году уехали в Сталинск, теперь Новокузнецк, чтобы принять участие в строительстве Кузнецкого металлургического комбината. Это событие запечатлелось в моей памяти довольно смутно. Зато хорошо помню путешествие, которое мы с отцом совершили обратно в Солоновку по случаю его отпуска – поездка на поезде до Бийска, пешая прогулка по шоссе с горячей надеждой, что нас подберет попутная машина, ночевка под стогом сена и колыбельный шепот затяжного осеннего дождя...

Было это в середине сентября 1940 года.

Спустя две-три недели отец вернулся домой, оставив меня у бабушки, как полагал он, до следующего отпуска.

Об этом периоде своего существования впоследствии я написал стихи; приведу их полностью.

Я помню малого себя
в суконном пиджачке и ботах,
когда она, моя судьба,
лишь набирала обороты.

Я рад был, помнится, до слез,
как мимо городов и пашен,
взяв отпуск осенью, повез
меня отец в деревню нашу.

Я не могу забыть пути
от Бийска до села родного,
что нам с отцом пришлось пройти
в том сентябре сорокового.

Мне не забыть того дождя,
что словно через сито сеял,
что власть над миром утвердя,
загнал нас под копешку сена.

Я не забуду никогда
отца в конце села родного,
где мы расстались... навсегда,
а не до отпуска другого.

Да, отца я больше не видел: в 41-м, тотчас после объявления войны, он был мобилизован на фронт, затем ранен в ногу (госпитализировался в Барнаул; бабушка к нему ездила), а в 43-м под Сталинградом пропал без вести.

Что же касается матери, то она – то ли из практических соображений (одной, мол, легче перебиться в трудное военное время), то ли по легкомыслию – сделала вид, что знать меня не знает: сама не писала мне писем и не читала моих – возвращала их нераспечатанными с пометкой «адресат выбыл».

Таким образом, из гостя я снова превратился в постоянного жителя деревни, в которой семью годами раньше родился.

Между тем моя бабушка, мать моего отца, Авдотья Ивановна Завьялова (по второму браку), еще относительно молодая женщина, сама была матерью девочки, родившейся позже меня годом, и женой человека, который меня,

мягко говоря, не долюбивал. Родной дед Василий Афанасьевич Бурмин погиб во времена партизанского восстания на Алтае.

Материальное положение Завьяловых, у которых я столь долго загостился, по-видимому, оставляло желать лучшего; нет, разутыми, раздетыми и голодными они не были, однако лишнего ничего не имели: иначе я не пошел бы в школу зимой, спустя два года, в той же одежке и обуви (суконный поджачок и ботинки с ботами), в которых я приехал по осени. В результате – я жестоко простудился, заболев ревматизмом, когда начал учиться во втором классе. Остаток зимы бабушка выживала из меня хворь доступными ей средствами.

К следующей зиме я вырос из той одежды, что у меня была. Образование пришлось отложить на неопределенное время.

Аким Иванович Завьялов – таково имя моего неродного деда – трудился на маслозаводе не то конюхом, не то бондарем; по причине того, надо думать, что он работал на производстве – несмотря на то, что бабушка каждое лето обрабатывала плантацию табака или свеклы в колхозе, – среди сельчан мы числились единоличниками.

Никакой живности, кроме десятка–полтора кур, мы не держали. Дедушкин заработок и бабушкины трудодни существенной роли в семейном бюджете не играли; наше благополучие, стало быть, зависело от урожая картофеля и овощей, которые мы выращивали в огороде. С другой стороны, на что-то же покупали керосин, спички и прочие хозяйственные мелочи.

Так или иначе, но первые два–три года войны заметных перемен в своем существовании мы не ощущали. Бедствия наши начались намного позже, когда обнаружился туберкулез у деда, и он был вынужден отказаться от работы на маслозаводе.

Больной нуждался в питании с повышенной калорийностью, не говоря о лекарствах... Никаких сбережений у нас не имелось. Единственной ценностью, которой мы обладали, было наше жилье – половина рубленного пятистенного дома, стоявшего на бойком месте центральной усадьбы: клуб, сельсовет, сельмаг – все было рядом. Покупателя нашли скоро.

За половину дома нам дали корову и солдатский бушлат в придачу.

Но молоко больному не помогло...

Пока дед был жив, будущие хозяева дома нас не беспокоили, но, едва он умер, они тотчас попросили нас освободить их законную собственность.

На первое время нас приютила хорошая бабушкина знакомая, которая жила со взрослой дочерью в землянке.

Позже мы соорудили собственную землянку; точнее, ее делал Павел Иванович Шарабарин, старший брат моей бабушки, мастер на все руки, человек бывалый и необычайно эрудированный для того, кто в свое время научился читать самостоятельно, а мы – бабушка, ее малолетняя дочь Райка и я – ему помогали. Как полагалось, архитектурное сооружение подобного типа наполовину уходило в землю, остальное мы выложили блоками из дерна. Печь и пол были глинобитными. Накат из неошкуренных сосенок с толстым слоем земли поверх него выполняли функции потолка и крыши.

Новым местом нашего жительства стал Коч-агаш – один из отдаленных участков колхоза; выбирая его, мы руководствовались чисто практическими соображениями: река, в берег которой было внедрено наше жилище, никогда не промерзала, поросшие деревьями горы, что находились неподалеку, вселяли в нас уверенность, что в морозы без дров мы не останемся.

Шло второе мирное лето.

Матушка все-таки вспомнила обо мне – показала в деревне; нарядная и красивая, она в свои тридцать три года выглядела девушкой; погостила, сестер своих – Василису и Марину – попроведовала...

Уезжая, забрала меня; семь лет ждал, когда она это сделает.

По приезде в Сталинск она настояла на том, чтобы я подал документы в ремесленное училище. Я провалился на экзаменах – этого следовало ожидать от подростка с моим ничтожным образованием. Она отправила меня обратно к бабушке в деревню.

Но я уже не мог жить в селе. Мне нужен был город с его асфальтом, заводскими гудками, с его библиотеками, к посещению которых я успел пристраститься.

Два года спустя, когда мне исполнилось шестнадцать лет, я снова приехал в город – на этот раз по собственному почину. Получил паспорт, устроился на работу, пошел учиться в вечернюю общеобразовательную школу.

Потом призвали в армию.

До призыва на службу и после демобилизации трудился преимущественно в КМК – такелажником, подкрановым, дежурным слесарем, волочильщиком, пропитчиком, токарем, художником-оформителем.

Разумеется, писал. По средам в редакции «Большевистской стали» – так в ту пору называлась городская газета – встречался с собратьями по перу. Помню Лушкина, читавшего свою книгу о металлургах. Однако первые мои стихи были опубликованы в «Комсомольце Кузбасса» (несколько лет я прожил в Кемерове, работая художником в НКХК, затем – администратором в филармонии).

И учился. Учился всему, что находил в научно-популярных брошюрах и книгах, адресованных широкому кругу читателей. Учился русскому языку.

Читал философские труды. Изучал геологию, архитектуру, археологию, этнографию. Особенно интересовали меня астрономия и биология.

Самообразование – учение без преподавателей, толмачей научных истин, собранных в книгах, – наиболее трудный путь к познанию. Но я был молод и, следовательно, полон сил, мой дух питали великие примеры Алексея Максимовича Горького и Майкла Фарадея.

Итак, благодаря большой любознательности и свободе, не ограниченной школьной или университетской программами, я переработал массу информации из многих областей естествознания. Именно – переработал, потому что я, читая, думал, то есть подвергал критике и анализу то, что попадало мне в руки: этот метод позволял мне, в известной мере, идти дальше источника, из которого я черпал те или иные знания. Например, согласно учению Опарина, жизнь на Земле возникла из так называемой коацерватной капельки, то есть сгустка живой материи, образовавшейся в теплом первичном океане... По моей же гипотезе, которая ничуть не хуже приведенной выше, сам океан – продукт жизнедеятельности организмов, притом уже более сложных, чем биологические структуры, приведенные выше.

Хорошее дело – самостоятельное образование, но, к сожалению, у него все стороны – негативные. Прежде всего, плохо то, что самоучка (кстати, между этим термином и словом «невежда» многие не видят различия) не имеет ни степеней, ни дипломов; иначе говоря, отсутствие названных атрибутов большинству людей – хотя бы они того или нет – мешает относиться без предвзятости к тому, кто ими не обладает. Эти выводы я сделал из собственного опыта и, полагаю, они являются одной из причин моих бед, речь о которых пойдет ниже.

Разумеется, кое-что предлагал издательствам, правда, очень редко и неохотно. К сожалению, все, что посылал, возвращалось. Рецензии были разные – умные и нелепые (один рецензент, например, упрекал меня за то, что я пренебрегаю каноном, когда рифмую сонеты. Между тем, у Самуила Яковлевича Маршака есть стихи, которые он сочинил именно по этому поводу: «Шекспир, как некогда и Дант, не презирал сонетов; но, несмотря на свой талант, не рифмовал он, как педант, начальных двух куплетов...»); другой – отвечая на мою фантастическую повесть – начал многообещающей фразой: «Книга написана на профессиональном уровне», а кончил невнятным лепетом о «досадных погрешностях...»).

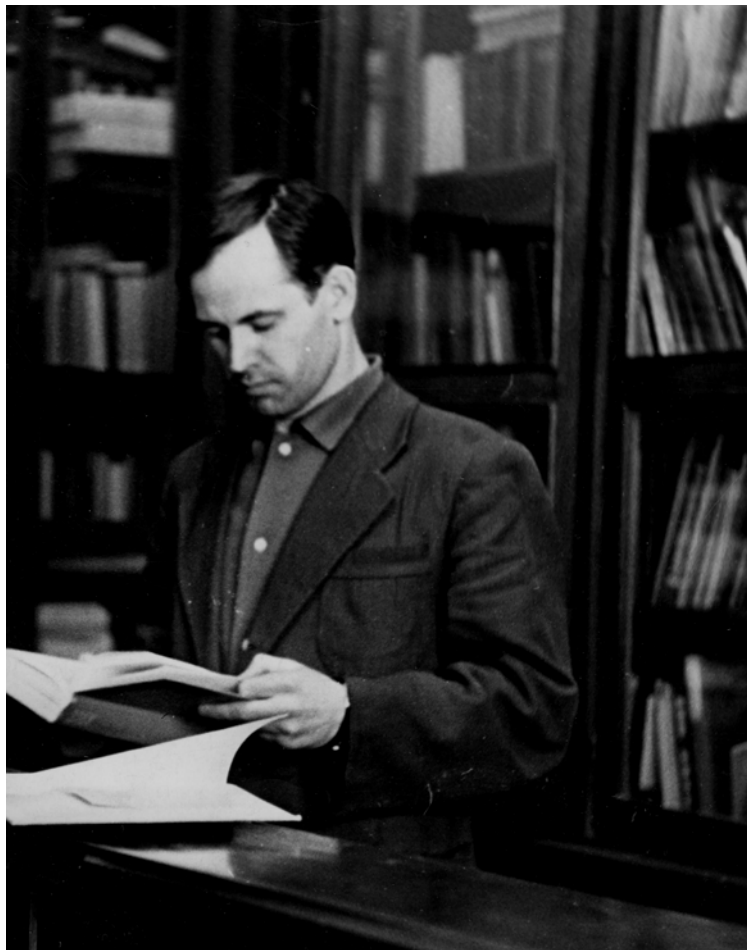
Переболев день–другой тяжелой формой депрессии (мои почтовые вылазки в издательства обычно этим заканчивались: увы, за беззащитным и бесправным существом, каким является безымянный автор, стоит живой человек, которому больно, как и всякому смертному, когда он ищет и не находит сочувствия), я снова сидел за стол и продолжал делать то, без чего уже давно не мыслю своего существования.

Литературная критика есть удобный повод вылить на автора избытки желчи или сиропа, в зависимости от того, чем обладает критик; в самом произведении, как правило, то и другое отсутствует.

Своим успехом книга обязана читателям с богатым воображением; они наделяют ее сокровищами, о которых чаще всего автор не подозревает.

Если бы издательства платили не за многословие, а за краткость, лаконичность, рецензенты охотно отвечали бы «да». Одобрение не требует пространных мотивировок, которые совершенно необходимы в случае отказа.

Бурмин П.С.
24.10.1987 г.

Оглавление

Муза	4
Автопортрет	5
Портрет художника в юности	6
Четвёртое измерение	7
Ноктюрн	8
Предвечный	9
Языческий бог	10
Праkritи – творческое начало природы	11
Мефистофель	12
Домовой	13
Нефертити	14
Диоген	15
Икар	16
Эзоп	17
Россия вчерашняя	18
Мистерия	19
Англо-американское дерево	20
Пейзаж с летающей тарелкой	21
Пейзаж	22
К сонету «Атлантида»	23
Атлантида	24
Пришельцы из Атлантиды	25
Плач пустытника	26
Иллюстрация к повести «Предки и потомки марсиан»	27
Иллюстрация к повести «Предки и потомки марсиан»	28
Иллюстрация к повести «Предки и потомки марсиан»	29
Великая Челоха	30
Изморозь на Солнце	31
В плену Скрытого мира	32
Мгновение, равное вечности	33
Пляж на астероиде	34
Эскиз обложки к повести «SOS»	35
Иллюстрация к повести «SOS»	36
Иллюстрация к повести «SOS»	37
Иллюстрация к повести «SOS»	38
Иллюстрация к повести «SOS»	39
Субсерват (робот)	40
Заставка к рассказу «Гостя»	41
Иллюстрация к рассказу «Гостя»	42
Иллюстрация к рассказу «Гостя»	43
Нина Юрьевна	44
Иллюстрация к повести «Третий каменноугольный период»	45
Софья	46
Девочка-птица	47
Иллюстрация к повести «Остров Разума»	48
Иллюстрация к циклу рассказов «Биолиты»	49
Иллюстрация к циклу рассказов «Биолиты»	50
Обелиск	51
Обложка книги сонетов	52
Обложка книги сонетов	53
О себе	54

Тираж 50 экз.